УДК 347.232.43

МЕЛЬНИК Е.А.,
МАЛЬБИН Д.А.

Материально-правовые формы защиты владения в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации

Данная статья посвящена правовой специфике материально-правовых форм защиты владения, предусмотренных в Проекте ФЗ № 47538-6 "О внесении изменений в части 1, 2, 3 и 4 ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ". Подраздел 1 "Владение" Проекта ГК предусматривает три материально-правовые формы защиты владения: виндикация, защита добросовестного давностного владения и посессорная защита. Авторами подробно проанализированы теоретико-правовые аспекты, послужившие основанием для выделения названных форм защиты, в частности презумпции законности (п. 2 ст. 213) и добросовестности (п. 2 ст. 214) владения.

Ключевые слова**:** владение, владельческая защита, посессорная защита, законное владение, добросовестное владение.

На рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находится проект Федерального закона № 47538-6[1]. Указанным законопроектом предлагается внести кардинальные изменения в систему гражданско-правового регулирования, в частности внести изменения в раздел о вещных правах Гражданского кодекса РФ[2], включив в последний институт фактического владения вещью и его защиты.

В пункте 1 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции проекта Федерального закона № 47538-6 (далее по тексту – Проект ГК) закреплено понятие владения, согласно которому владение означает фактическое господство лица над объектом владения. Владение сохраняется, пока владелец имеет свободный доступ к объекту владения.

Проект Гражданского кодекса проводит дифференциацию владельческих ситуаций, различая владение законное и незаконное (ст. 213 Проекта ГК), добросовестное и недобросовестное (ст. 214 Проекта ГК).

В качестве законного владения статья 213 Проекта ГК называет владение, которое осуществляется на основании: 1) права собственности или иного вещного права, включающего в себя правомочие владения, и 2) соглашения с собственником или обладателем иного вещного права, включающего в себя правомочие владения. Таким образом, Проектом ГК по своему содержанию предполагается различие двух титулов владения: вещного и обязательственного.

Статья 214 Проекта ГК раскрывает понятие добросовестного владения. Так, в соответствии с указанной нормой статьи владение, осуществляемое при отсутствии оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 213 Проекта ГК, признается добросовестным, если владелец не знал и не мог знать о том, что он приобретает владение незаконно либо о том, что основание законного владения отпало.

Кроме того, статьями 213 и 214 Проекта ГК предусмотрены правовые презумпции, в соответствии с которыми владение признается законным, пока судом не установлено иное (п. 2 ст. 213), и добросовестным, пока судом не установлено иное (п. 2 ст. 214).

В соответствии с п. 1 ст. 215 Проекта ГК защита владения осуществляется путем возврата вещи лицу, которое его лишилось.

Право на защиту владения, согласно пункту 2 той же статьи, имеет любой владелец – как законный, так и незаконный. Требование о защите владения предъявляется к лицу, у которого фактически находится вещь (п. 3 ст. 215 Проекта ГК).

Следует заметить, что правило о предъявлении требования о защите владения только к лицу, у которого фактически находится вещь, резко отличает конструкцию, закрепленную в Проекте ГК, от классической римской системы защиты владения, в которой интердикт (основное средство защиты владения в Древнем Риме) unde vi, применяемый в случае насильственного захвата вещи, мог быть предъявлен только к непосредственному нарушителю владения[3].

Пунктом 1 статьи 218 Проекта ГК предусмотрено правило, по которому лицо, к которому предъявлено требование о защите владения, не может в качестве возражения ссылаться на то, что ему принадлежит право на объект владения.

Анализ нормы статьи 218 Проекта ГК подталкивает к мысли о том, что ответчик по посессорному иску всегда предполагается незаконным владельцем, даже в случае наличия у него титула на вещь. Гражданско-правовая конструкция посессорной защиты не позволяет ответчику доказывать наличие права на вещь, а в случае, если доказательства права представлены, суд не принимает их во внимание. Таким образом, ответчик с учетом нормы пункта 1 статьи 218 Проекта ГК всегда выступает в судебном процессе в качестве незаконного владельца.

Разделение владения на виды, а также закрепление презумпций законности (п. 2 ст. 213 Проекта ГК) и добросовестности (п. 2 ст. 214 Проекта ГК) владения в системной связи с п. 1 ст. 218 Проекта ГК позволяют определить три материально-правовые формы, в которых осуществляется защита владения в соответствии со ст. 215 и п. 1–3 ст. 216 Проекта ГК.

Первой материально-правовой формой защиты владения с учетом презумпции законности владения истца, а также положения о невозможности ответчиком доказывания титула на вещь выступает петиторная форма защиты, построенная по модели виндикации, ведь в качестве истца в таком случае выступает законный владелец (действует презумпция законности владения), а на стороне ответчика – незаконный владелец.

Традиционно под виндикационным иском понимают иск невладеющего собственника к владеющему несобственнику[4]. Сущность такого иска состоит в защите владения собственника или иного законного владельца путем истребования вышедшей из обладания вещи из фактического незаконного владения третьего лица[5].

В соответствии со ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Согласно статье 305 ГК РФ права, предусмотренные статьями 301 – 304 ГК РФ, принадлежат также лицу, хотя и не являющемуся собственником, но владеющему имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором. Это лицо имеет право на защиту его владения также против собственника.

Действующее гражданское законодательство, таким образом, предусматривает возможность истребования вещи из чужого незаконного владения лицом, имеющим вещный или обязательственный титул на вещь.

Статья 227 Проекта ГК также предоставляет возможность предъявления виндикационного иска не только собственнику, но и субъекту ограниченного вещного права, исключая при этом право на виндикационный иск для иных лиц, владеющих вещью на ином, чем вещное, праве.

Владение по смыслу главы 14 Проекта ГК в материально-правовой форме виндикации защищается не потому, что ответчик самоуправно лишил владения истца, а потому, что истец является законным владельцем в силу презумпции п. 2 ст. 213 Проекта ГК, в то время как владение ответчика является незаконным. Закрепление презумпции законности владения с правилом о невозможности ссылаться на наличие титула на вещь в посессорном процессе формирует по сути упрощенный петиторный процесс, в котором облегчением

доказывания титула на вещь выступает презумпция законности утраченного владения.

Думается, что причиной, по которой посессорный процесс с учетом презумпции законности владения истца строится по модели виндикационного, являются общие с виндикационной защитой черты, на что указывалось еще в литературе дореволюционного периода[6].

В то же время материально-правовую форму виндикации защита владения проявляет только в том случае, если законность владения истца не опровергнута ответчиком.

В случае опровержения законности владения истца ответчиком вступает в силу презумпция добросовестности владения, и истец предполагается добросовестно владеющим, а на стороне ответчика также выступает незаконный владелец. В таком случае защита владения приобретает черты классического Публицианова иска.

Actio Publiciana (Публицианов иск) – это иск, установленный римским претором Публицием, призванный охранять добросовестного владельца против того, к кому неосновательно переходило его владение или кто вторгался в его владение. Суть иска сводилась к переносу защиты, которую виндикационный иск предоставлял собственнику, на несобственника, обладающего вещью добросовестно[7]. Иск основывался на фикции того, что уже истек срок давностного владения и владелец тем самым стал собственником имущества. В качестве истца выступало лицо, владеющее вещью исключительно добросовестно, ответчиком являлось лицо, обладающее вещью неправомерно или с меньшим правовым основанием. Характерной чертой Публицианова иска являлось то, что он не имел действия против ответчика, когда последнему принадлежало более сильное право на вещь.

Как справедливо отмечается в литературе, в действующем российском гражданском законодательстве аналог римского Публицианова иска закреплен в п. 2 ст. 234 ГК РФ[8].

В соответствии с п. 1 ст. 234 ГК РФ лицо – гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность). Согласно пункту 2 той же статьи Кодекса до приобретения на имущество права собственности в силу приобретательной давности лицо, владеющее имуществом как своим собственным, имеет право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законом или договором основания.

Таким образом, в качестве истца по иску, предусмотренному п. 2 ст. 234 ГК РФ, выступает добросовестный владелец вещи, а ответчиком – лицо, не имеющее титула на вещь и нарушающее владение истца.

Схожая конструкция защиты давностного владельца предусмотрена в Проекте ГК. В то же время статья 242 Проекта ГК исключает признак добросовестности у давностного владельца, что позволяет применять названное средство гражданско-правовой защиты и недобросовестному владельцу.

Однако классической формой защиты давностного владения все же остается Публицианов иск, истцом по которому выступает именно добросовестный владелец.

Системный анализ ст. 214, ст. 215, п. 1–3 ст. 216 и ст. 218 Проекта ГК позволяет сделать вывод о том, что в случае опровержения законности владения истца владельческий иск выступает в качестве Публицианова иска.

Наконец, третьей материально-правовой формой защиты владения является в чистом виде посессорная защита, которая проявляется в случае последовательного опровержения ответчиком презумпции законности и добросовестности владения истца. Петиторные формы защиты в судебном процессе устраняются, а требование о защите владения принимает выраженный посессорный характер, т.к. посессорная защита в ее классическом виде предоставляется всякому, пусть даже и незаконному, владельцу от нарушения его владения независимо от наличия титула на вещь у нарушителя владения[9].

В случае, если ответчик опроверг презумпции п. 2 ст. 213 и п. 2 ст. 214 Проекта ГК, на стороне истца выступает незаконный недобросовестный владелец, а на стороне ответчика – нарушитель владения, который также является незаконным владельцем в силу порочности приобретения объекта владения. В данном случае владение возвращается истцу вследствие формальных оснований – самоуправного нарушения владения истца помимо его воли. При этом отсутствие титула на вещь у истца не имеет юридического значения.

В то же время возможность реализации посессорной защиты в ее чистом виде сведена к минимуму, так как для того, чтобы перейти из области петиторного производства в область посессорную, ответчику необходимо доказать не наличие собственного титула на вещь, а отсутствие права на вещь у истца, а также его недобросовестность, что сделать практически невозможно. Конечно, в случае с недвижимостью ситуация кажется проще, ведь права на недвижимые имущества отражаются в государственном реестре. Однако и предоставление выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество, в которой в качестве правообладателя указано другое, нежели истец, лицо, не исключает законности владения истца, так как владение истца может быть основано на бессрочном договоре аренды, сведения о котором не получают отражения в реестре.

Таким образом, Подраздел 1 “Владение” Проекта ГК, посвященный вопросу фактического владения и его защиты, в своем содержании предусматривает три материально-правовые формы защиты владения: 1) виндикация, 2) защита добросовестного давностного владения, 3) посессорная защита в чистом виде. Материально-правовые формы защиты владения в ходе судебного разбирательства последовательно сменяют друг друга в зависимости от доказательственной активности ответчика. В то же время следует отметить, что с учетом трудности опровержения закрепленных в законе презумпций защита владения в соответствии со ст. 215 и п. 1–3 ст. 216 Проекта ГК в случае принятия поправок в Гражданский кодекс РФ будет реализовываться в первую очередь по модели петиторного виндикационного притязания.

---

[1] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС “КонсультантПлюс”.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб., 2005. С. 337.

[4] Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т.I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А.Суханов. М.: Статут, 2011. С. 626.

[5] Бабаев А.Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 277; Тужилова-Орданская Е.М. Проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России: монография. М.: Издательский дом “Буквовед”, 2007. С. 236.

[6] Муромцев С. О владении по римскому праву. По поводу сочинения Иеринга // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Книга 4. С. 13.

[7] Чиларж К.Ф. Учебник институций римского права. М., 1906. С. 140.

[8] См.: Толстой Ю.К. Давность в Гражданском кодексе Российской Федерации // Правоведение. 1995. № 1. С. 23; Рудоквас А.Д. Владение и владельческая защита в Концепции развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ. 2009. № 5. С. 36.

[9] Ефимов В.В. Догма римского права. Особенная часть. СПб., 1894. С. 25.